

● М60 48689 001, М60 48690 001
АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ, пе-
ни. Редактор К. Тихонравов. Реста-
ратор И. Шнипенко

К 100-летию со дня рождения Алек-
сандра Николаевича Вертинского
фирма «Мелодия» подготовила двой-
ной альбом его песен, куда войдет
почти все, что осталось до сих пор
не изданным из фонографического
наследия певца. (Может быть, позднее
удастся собрать еще один диск, но
пока об этом говорить рано). Широ-
кий интерес, который привлекли к се-
бе прежние издания Вертинского, до-
казал, что его искусство и поныне
вызывает живую симпатию слушате-
лей, волнует и восхищает многих.

Статья о новом юбилейном альбо-
ме певца была заказана редакцией
журнала Константину Лазаревичу
Рудницкому, доктору искусствоведи-
ния, крупнейшему театральному кри-
тику, который являлся автором анно-
таций ко всем трем ранее выпущен-
ным пластинкам Вертинского. Но на-
писать ее он не успел — Константин
Лазаревич умер, и многие его планы, в
том числе и статья о Вертинском, ос-
тались незавершенными. Мы не ста-
ли заказывать ее никому другому, ре-
шив использовать аннотации к преж-
ним пластинкам, восстановив все то,
что ранее — по тем или иным при-
чинам — в них не вошло.

В 1913—1914 годах, когда Вертин-
ский впервые появился на эстраде,
никто, вероятно, не предполагал, что
слава его окажется столь прочной и
длительной. Никто не думал, что его
песенки, печальные и меланхоличные,
шутливые и грациозные, иронические
и нежные, станут пользоваться все
возрастающей популярностью, что
они переживут даже самого артиста
и смогут доставлять удовольствие лю-
дям 70—80-х годов. Ранний и вне-
запный успех Вертинского казался
неосновательным: певец, не обладав-
ший выдающимися вокальными дан-
ными, поэт, чье переимчивое дарова-
ние лишь вторило талантам Блока и
Ахматовой, Бальмонта и Северянина,
бесхитростный сочинитель капризных
мелодий, выступавший тогда в маске
Пьеро, с набыленным лицом, ярко на-
крашенными губами, с большим кру-
жевым жабо, он, конечно, нравился
посетителям всевозможных эстрад-
ных театриков и подвальчиков, но
большие надежды на него не возлага-
лись. Думалось, что через год, через
два он выйдет из моды и его забудут,
как забывали многих других любим-
цев публики.

Случилось, как мы знаем, по-ино-
му. Несмотря на все превратности
судьбы, Александр Вертинский сумел
перешагнуть «через горы времени» и
прійтись по душе слушателям новых
поколений. Чем это объясняется?

ПЕСНИ АЛЕКСАНДРА ВЕРТИНСКОГО

В творчестве Вертинского скром-
ные — каждое по отдельности — да-
рования стихотворца и композитора
сливаются воедино и дополняют друг
друга с редкой естественностью. В их
дружном согласии возникает песня,
обладающая определенной целост-
ностью и завершенностью. И все же
в этот момент она еще не является в
полном смысле слова произведением

искусства. Ведь когда песни Вертин-
ского поют другие, даже опытные и
уверенные исполнители, они, как пра-
вило, особым успехом не пользуют-
ся. Только уникальное в своем роде,
изощренное и отточенное исполни-
тельское мастерство самого Вертин-
ского придает его творениям красоту,
элегантность и изящество. Вертин-
ский-артист более значителен, чем

Вертинский-автор. Голос у него не-
большой, но он владеет им виртуозно.
Строгая, тщательная отделка каждой
песни, выразительность и эмоцио-
нальная окраска ее — безукоризнен-
ны, близки к совершенству.

Слушатели могут сами в этом убе-
диться: в «Желтом ангеле» — тоска
по осмысленной, несуетной, духовно
ясной жизни звучит с надеждой и
болью. В эффектной «Испано-Сюизе» —
экзотика, грустная ирония и откры-
тый вольный и смелый юмор. Романс
«Только раз бывают в жизни встре-
чи» исполняется с искренним и глубо-
ким драматизмом (уже без всякого
юмора и без всякой иронии). «Рафини-
рованные женщины» — изящная на-
смешка, искрящаяся лукавством и
неподдельной веселостью. И как пре-
ображается артист, какого истинного
трагизма достигает он в песнях «Су-
масшедший шарманщик», «Бал Гос-
поден» или «Игуменя»...

Утонченность интерпретации и ар-
тистичность исполнения становились
особенно заметны, когда Вертинский
создавал свои песни на слова больших
русских писателей и поэтов — Мак-
сима Горького («Фея»), Александра
Блока («Буйный ветер играет тернов-
ником»), Анны Ахматовой («Сероглазый
король»), «Темнеет дорога примор-
ского сада»), Николая Агнiewiczа
(«Баллада о короле»), Георгия Ивано-
ва («Над розовым морем» «Не было
измены»), Тэффи («Песенка о трех
пажах», «Черный карлик»), Инно-
кентия Анненского («Моя звезда»),
Игоря Северянина («Бразильский
крейсер»). У него есть романсы на
стихи Сергея Есенина; пел он песни
на стихи Вс. Рождественского, Веры
Инбер, Иосифа Уткина, Павла Шу-
бина. Не изменяя собственной мане-
ре, Вертинский умел сохранить и
верность избранному поэту, сблизить-
ся с ним, по-своему его прочесть и
пропеть.

Другое важное свойство дарования
Вертинского, предопределившее дли-
тельный интерес к его искусству, —
чуткость артиста, отзывчивость его
таланта, способность точно выразить
характерные веяния времени. Писа-
тель Юрий Олеша впервые услышал
Вертинского в годы молодости, когда
артист выступал еще в маске Пьеро.
По свидетельству Олеша, Вертинский
на свой лад высказывал в грациоз-
ных, чуточку манерных «арияетках»
настроения, «которые влияли в ту
эпоху даже на таких серьезных дея-
телей искусства, как Александр Блок,
Алексей Толстой, Владимир Маяков-
ский».

Прошло много лет, и уже после
Великой Отечественной войны искус-
ство Вертинского взволновало акте-
ра Иннокентия Смоктуновского. По
его словам, «Вертинский заставлял
нас заново прочувствовать красоту
и величие русской речи, русского ро-
манса, русского духа. Преподавать такое
мог лишь человек, самозабвенно лю-
бящий. Сквозь мытарства и мишуру
успеха, на чужбине он свято пронес

трепетность любви к своему отече-
ству».

...После Октября Александр Вер-
тинский совершил трагическую ошиб-
ку: покинул родину и много лет про-
вел в горестных эмигрантских скита-
ниях. Тоска по России, любимой и
далекой, пронизывала тогда лучшие
его песни. Где бы он ни выступал —
в Париже и в Варшаве, в Нью-Йорке
и в Шанхае, в больших концертных
залах (что случалось очень редко),
в кабаре и просто в ресторанах, меж-
ду столиками — он везде исполнял та-
кие горестные песни, как «В степи
молдавской», «Молись, кунак» или
«Чужие города». Он пел о тяжелой
участи изгнанника, сознающего свою
вину и свою беду, и Россия в этих
его песнях становилась символом
недостижимой мечты. Такие настро-
ения свойственны были многим чест-
ным русским художникам, оказав-
шимся в эмиграции, — по-разному их
выразили и Шаляпин, и Рахманинов,
и Куприн.

Задолго до Великой Отечественной
войны Вертинский стал настоятельно
обращаться к советским дипломати-
ческим представителям с просьбами
о том, чтобы ему разрешили вернуть-
ся на родину. В белоэмигрантских га-
зетах его называли «большевистским
наемником», утверждали, что он
«продался красным», именовали пре-
дателем.

Писательница Наталия Ильина,
которая познакомилась с Вертинским
в Шанхае в конце 30-х годов, вспо-
минает в своей книге «Судьбы»: «Его
знаменитую песню „О нас и о родине“
я слышала, видимо, в году сороко-
вом... Начался шум. С одной стороны
свист, улюлюканье, выкрики: „Боль-
шевикам продан!“», а с другой —
бешеные аплодисменты, крики „Бра-
во!“, „Правильно!“ и даже „Ура!“. Улюлюкали в основном люди по-
жилые, стойкие в своем неприятии
Советской России, а молодежь одо-
брала, молодежь приветствовала,
и под ее охраной Вертинский шел в ту
ночь домой...» Такую бурю вызвали
искренние, вырвавшиеся из самой
глубины души слова артиста о родине,
которая «цветет и зреет, возрожден-
ная в огне, и простит и пожалует и о
вас, и обо мне».

В 1943 году Вертинскому позво-
лено было возвратиться в Советский
Союз. Вскоре состоялись и прошли с
огромным успехом его первые концер-
ты перед советской аудиторией.

Встретившая его Россия была
страной, одержавшей величайшую ис-
торическую победу. Но наш быт кон-
ца 40-х — начала 50-х годов был
еще очень труден и суров. Страна за-
лечивала зияющие раны, заново от-
страивала разрушенные города, люди
жили тяжело, отказывая себе во мно-
гом. Одевались по необходимости
скромно и серо. Защитный цвет доми-
нировал: донашивались военные ши-
нели и гимнастерки.

В эти суровые годы песни Вертин-
ского оказались очень ко времени:
после войны потребность в лирике

ощущалась с особенной остротой.

Вертинский выступал теперь в пе-
реполненных огромных залах в Моск-
ве, Ленинграде, в Сибири и на Урале,
в новых городах, которых не было на
карте, когда он покинул отечество.

Артист был уже немолод, прибли-
жался к шестидесятилетию, когда на-
чалась эта новая, самая счастливая
полоса его жизни. Он старался обно-
вить свой репертуар и писал песни,
полные искренней радости. Это были
песни обретенной гармонии. Скиталец
и изгнанник, певец ностальгии и оди-
нчества познал счастье устойчивой и
ясной жизни в родной стране, в согла-
сии с ней, счастье семейного очага
и отцовства. По его собственным сло-
вам, он почувствовал себя «птицей,
что устала петь в чужом краю и, ве-
рнувшись, вдруг узнала родину свою».
Все это излилось в его новых песнях.
Пусть с годами голос Вертинского
стал звучать немного глуше — при
нем осталось его прежнее изощренное
и изысканное искусство. Его постоян-
ным аккомпаниатором стал талантливый
пианист Михаил Брехес, который
прекрасно чувствовал своеобразие
песенного дара Вертинского и безошиб-
очно угадывал наиболее выгодные
для артиста ритмы, тембры, паузы,
их протяженность или их краткость.

Свою новую аудиторию Александр
Николаевич Вертинский восхитил за-
конченностью отделок каждой вещи,
необыкновенной точностью ее интона-
ционной и пластической разработки.
Я видел, как горячо, как долго и вос-
торженно аплодировали Вертинскому
В. И. Качалов, И. С. Козловский,
А. Г. Коонен, С. М. Михоэлс, А. К. Та-
расова, М. М. Яншин, Б. Н. Ливанов,
В. О. Топорков, М. Ф. Романов,
Л. О. Утесов: мастера, они благодарили
и приветствовали мастера.

В сущности, Вертинский был пер-
вым из певцов-поэтов, вышедших на
отечественную эстраду. С него на-
чалась традиция, которая развивается
и обогащается поныне. Умение пре-
вращать всякую, даже неприятную
нужную, легкомысленную песенку в сво-
его рода миниатюрную драму, где
есть и завязка, и кульминация, и раз-
вязка (часто неожиданная), способ-
ность любой сюжет поднять на уро-
вень подлинной поэзии, искусства, и
внезапная смена темпов, непринуж-
денные переходы от речитатива к сво-
бодно льющемуся вокалу, от патетики
к юмору и от интонаций саркасти-
ческих к гордым, торжественным —
вот богатство, которое сохранилось
доныне в записях Вертинского и ко-
торое перейдет к следующим поко-
лениям как итог долгой и трудной
жизни художника, сумевшего пол-
ностью выразить в искусстве и свою
неповторимую индивидуальность, и
свою судьбу.

Константин РУДНИЦКИЙ